

Владимир Блохин: Консервативное народничество – утопия или нет?
Vladimir Blokhin (The Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow): Is conservative «Narodnichestvo» a utopia or not?

DOI: 10.31857/S0869568722010174

Не всякая книга удивляет, но выпущенный В.В. Зверевым «Опыт политической биографии Г.П. Сазонова» способен и увлечь, и озадачить читателя. Данная монография посвящена не слишком известному народнику. Сазонов – не А. И. Герцен, не Н. Г. Чернышевский, П. Л. Лавров или Н. К. Михайловский, он принадлежал скорее к общественным деятелям «второго плана». Но его фигура по ходу чтения как будто растёт, впитывая в себя эпоху, поскольку эта книга именно о времени, точнее – о человеке во времени, – тягучем, неопределённом, меняющемся, ускользающем от сознания историка и нуждающемся в постижении, размышлениях и концептуализации. История для Зверева, как поэ-

зия для Маяковского — «езда в незнаемое». Он умеет «разговорить молчавшего долгие годы свидетеля событий» (с. 61), расспросить современников, собрать воедино факты и их оценки, вчитаться в скупые и холодные сводки полиции...

Зверева не смущают, на первый взгляд, парадоксальные характеристики: «Народник-консерватор? А почему бы и нет. Почему надо держаться затверждённой со школьной скамьи аксиомы, что народничество социалистично в своей основе? В народничестве было много чего намешано» (с. 17). Так автор сразу же радикально ставит вопрос о переосмыслении самой сути весьма разноплановой и неоднородной идеологии народничества. Расширяя до бесконечности смысловой ряд, можно, видимо, говорить и про радикальное народничество, и про реформаторское, и либеральное, и научное, и религиозное, партийное и внепартийное и т.д. Реалии пореформенной России генерировали различные модели изменения действительности, в центре которых находился по-разному разрешавшийся вопрос о народном благе.

Внутренне драматичный поиск ответов на ключевые вопросы общественного развития диктует ещё одну особенность жанрового построения книги. В предпринятом автором *историческом расследовании* рассматриваемая личность оказывается отнюдь не монохромной и идеологически-приукрашенной, как это бывало в советской историографии с характерным для неё противопоставлением героев-революционеров и антигероев — сторонников «старого режима», а сложной и даже противоречивой. Современная историографическая ситуация не терпит прежнего идеологического схематизма, для нас, зрителей исторического театра, исключительно значима подлинность героя.

Конечно, народничество как способ осмысления проблем страны притягивало к себе людей «различного формата», а система, с которой они сталкивались, с неуклонным постоянством воспроизводила радикализм. Как пишет Зверев, «в условиях, когда правящая элита озабочена не характером и направленностью развития общества, а сохранением стабильности государственного строя, и по этому признаку пополняет редеющий по естественным законам природы свой состав, наиболее даровитые, деятельные и волевые представители молодёжи оказываются в революционном лагере» (с. 95). И пусть радикально настроенная молодёжь не отличалась безупречностью нравов. В этой среде часто «соперничали характеры», а не убеждения. Однако Зверев резонно замечает: «Нигилист нигилисту рознь. И среди них встречались отличия. У некоторых гипертрофированное возвеличивание индивидуализма приводило к безапелляционности и нетерпимости, отрицанию подлинных духовных ценностей и аморализму. Для других, напротив, были неприемлемы крайности суждений, а в жизненной позиции преобладали взвешенность и трезвый взгляд» (с. 70). Эти наблюдения опираются на многолетнее изучение реформаторского народничества, ярчайшими представителями которого были глубокие учёные — Н.Ф. Даниельсон, В.П. Воронцов, Я.В. Абрамов. К этой плеяде принадлежал и постоянно стремившийся к знанию Сазонов.

По словам Зверева, «Сазонов — консервативный народник, т.е. сторонник альтернативной модели развития, исключаящей рыночное ведение хозяйства, но предполагающей опору на сильную власть... В целом его система взглядов представляла собой причудливое сочетание славянофильских заимствований и народнических идей отнюдь не радикального толка» (с. 284). Автор книги считает, что «консервативное реформаторство становится реакцией (отстающим по времени реагированием) на ошибки и просчёты предшественников.

Его идеологическое оформление зачастую проще, доступнее и понятнее для большинства населения страны, чем неопределённые заявления радикалов и непродуманность действий умеренных реформаторов» (с. 309). Тем не менее Зверев не сомневается в том, что политика «национальных приоритетов», опирающаяся на национализм и патернализм, ведёт к провалу. Но так ли утопичен и безнадежен был консервативно-народнический проект Сазонова?

Анализируя те или иные учения и интеллектуальные движения, историки часто следуют за логикой их творцов, охотно принимают их доводы. Между тем многие публицисты и общественные деятели пореформенного времени мучительно переживали разрыв между своими идеалами и действительностью. Увлекавшие их теории не выдерживали проверку на прочность и истинность при соприкосновении с обстоятельствами реальной жизни. И Сазонов, которого едва ли можно упрекнуть в наивности, в отличие от многих своих мечтательных сверстников, остро ощущал культурную отчуждённость интеллигенции и народа. Он убедился в этом, натолкнувшись на глухую стену неприятия при попытке организовать артель среди крестьян. Зверев верно указывает на то, что в те годы, по сути, столкнулись интеллигентская и народная утопии. За ними стояли две совершенно разные культуры, между которыми лежала пропасть, возникшая ещё в эпоху петровских реформ.

Однако в отличие от народников-западников (Герцена, Михайловского, Лаврова), Сазонов не стал воевать с исторической культурой народа и не призывал его следовать за интеллигенцией. Он также был убеждённым противником применения террора как средства подталкивания революции. В благотельные плоды подобных методов он не верил. Как пишет Зверев, «Сазонов не только указывал на искреннюю приверженность русской деревни традиционной форме правления в России, но и заявлял о собственном монархизме, выстроенном, однако, на рациональной основе. Считая себя защитником народа, он придерживался мнения, что для его блага не следует вторгаться в устоявшиеся веками представления, нарушать традиционный уклад жизни» (с. 148). И в каком-то смысле идея революционного царя, с которой носился Сазонов, была уж точно не более утопична, чем модные тогда концепции либеральной и социалистической демократии. Во всяком случае, Георгий Петрович учитывал укоренившиеся в народном сознании представления.

Когда же в 1917 г. их проигнорировали, то на улицу вышла толпа, а отнюдь не ведомый интеллигенцией народ. Установилась охлократия, о которой с горечью писал позднее В.М. Чернов. И вскоре разбухенная стихия народного протеста возвела к власти новых советских царей.

Сазонов решительно отстаивал «общегосударственные интересы», осуждал принесение их в жертву частным финансовым или фискальным соображениям (с. 186). Он был убеждён в необходимости государственного вмешательства в экономическую жизнь, которого так не хватало во время голода 1891 г. Но можно ли считать подобные взгляды реакционными или нереалистичными? В 1890-х гг. в Европе, особенно в Германии, получили широкое распространение идеи «государственного социализма», согласно которым правительство активно включалось в оказание социальной помощи беднейшим и нуждающимся слоям населения. К сожалению, аппарат царской России оказался не в состоянии проводить такую политику, но она, без сомнения, имела рациональный смысл. Не случайно и обер-прокурор Святейшего Синода и вместе с тем глубокий правовед К.П. Победоносцев, и сам Александр III проявляли интерес

к научным изысканиям Сазонова и высоко их оценивали. В дальнейшем же неограниченное вмешательство сильной государственной власти в экономику проявилось в форме пролетарской диктатуры.

Ещё интереснее, пожалуй, складывались судьбы крестьянской общины. Народники 1860-х гг. имели о ней весьма абстрактное представление и воспринимали её, скорее, как символ будущего социалистического общества. В 1870-е гг. знания углубились, одновременно выяснилась недостаточность наделной земли не только для ведения хозяйства, но даже для физического выживания крестьян. Экономисты умеренно социалистических и полулиберальных взглядов (А.С. Посников, А.И. Чупров, А.А. Кауфман), как и многие другие, являлись непримиримыми противниками столыпинских экспериментов. Ссылаясь на опыт Европы, они рассуждали о желательности сохранения общины и создания культурно-экономических условий для её преобразования в артель. Таким образом, Сазонов был далеко не одинок. Но, разумеется, крестьянские общины нуждались в государственной поддержке, дешёвом кредите и серьёзных мерах, способных повысить уровень агрономической культуры народа. И стихийное возрождение общины в 1920-е гг. свидетельствовало о живучести данного института. Напротив, развитие частного предпринимательства и капитализма на селе и вообще в России оказалось тогда утопией.

Блистательный анализ взглядов и деятельности Сазонова, проведённый В.В. Зверевым, показывает, сколь целеустремлённо при всех своих колебаниях он отстаивал собственную модель переустройства России, далёкую как от романтизма революционных народников, так и от проектов сановных либералов. Знакомство с книгой поражает широким спектром обозначенных проблем, умением автора развернуть панораму сложных и противоречивых процессов, протекавших в России во второй половине XIX и начале XX в.